

Симидзу Канна с утомлённым и раздражённым выражением лица натирала переносицу и спрятанные за веками глаза пальцами. Она сидела за столом в бытовом помещении, совсем рядом с которым находилась кухня. Напротив неё находился Сатору, который, вопреки своему очень уж яркому характеру, не улыбался. Впрочем, каких-то переживаний на его физиономии тоже не было. Если бы спокойствие было чем-то физическим, то эту нынешнюю эмоцию Годжо можно было бы даже увидеть и пощупать руками, настолько безмятежным и умиротворённым он казался крайне недовольной женщине. Собственно, подобное его отношение к ситуации у неё вызывало лишь ещё больше негодования, но никакого отклика в этих наглых зелёных глазах она не наблюдала.

Это было впервые, когда Сатору по-настоящему выбил женщину из колеи и разозлил её настолько сильно.

— Хорошо, постарайся разъяснить мне, для чего ты так туда рвёшься. — Несмотря на не такую уж и многозначительную формулировку, её острый недружелюбный взгляд говорил сам за себя.

Бывший шаман задумался, дав себе короткий перерыв перед ответом. Из-за его биологического возраста у него было право на подобную фору, он был уверен, что Канна воспримет это за типичное детское мешкание. На самом же деле он размышлял, какой именно ответ будет правильным, потому что даже со своей не особо-то и развитой эмпатией он примерно представлял, как может отреагировать Симидзу на типичные для него самого выкидыши. Он разглядел эту проблему, в тот момент лишь предстоящую, ещё с самого начала, когда решил стать шиноби — по решениям Канны было вполне понятно, что судьбы ниндзя она ему не желала. После посещения погребального кладбища Листа Сатору отлично понимал, на чём основывалась её позиция.

С назревающими опухольями разногласий требовалось бороться быстро и с самого начала, а не тянуть до самого конца. Этот урок сильнейший шаман современности усвоил тогда, когда выбрался из печати Тюремного Царства и узнал о смерти собственного учителя по решению совета старейшин, а также о казни Юджи Итадори, его ученика, которая не состоялась лишь чудом и из-за изворотливости преемника Годжо на пост сильнейшего, Юты Оккоцу. Вместо пустых слов, угроз и обещаний ему стоило сразу взяться за дело, уничтожив всех членов собрания старейшин заблаговременно, но он тянул, тянул и тянул... Больше так поступать Сатору был не намерен.

— Я так хочу. — Наконец ответил он совершенно спокойным голосом после нескольких затянувшихся секунд звенящей тишины. — Я хочу больше узнать о чакре и реализовать свой потенциал полностью.

Вместо хитростей и оправданий стоило быть откровенным. Порой честность — самый лучший вариант для достижения взаимного понимания и следующего за ним компромисса. Даже косвенная ложь знакомым порождает только больше проблем в перспективе, ведь всегда есть шанс, что нарывающий гнойник обмана вскроется без желания самого лгуна. Но некоторые люди боятся того, что последует за правдой. Что же, возвысившийся над человеческими заблуждениями и пороками ещё во времена собственной юности Сатору Годжо не ведал страха в таких банальностях.

— И потом подорваться на случайной печати. — Сухо уточнила, как ей казалось, Канна, взирая на мальчишку недобро. — Или обгореть до костей из-за вражеской техники.

— Нет, тако-...

— Или сгнуть заживо из-за яда кукольников из Песка без шанса даже пальцем двинуть. — Её щека нервно дёрнулась.

— Такого не будет. — С по-прежнему умиротворённым выражением лица закончил со своим оборванным ответом бывший шаман.

Само собой, что подобные слова не могли заставить взрослого и опытного ниндзя-медика поверить в их состоятельность. Для неё это в любом случае был всего лишь детский лепет мало чего смыслящего ребёнка. Он ещё не сталкивался с теми обыденными для мира шиноби ужасами, с которыми ей приходилось иметь дело еженедельно, ежедневно, а порой и ежечасно. Злоба, с которой люди режут друг друга, раздутые трупы со страшными увечьями, обречённые остаться забытыми инвалиды, воющие в агонии раненные, изнасилованные женщины, похищенные, проданные, убитые дети. Всё это ей было мерзко, отвратительно, при первой же легальной возможности она бросила это всё и вернулась в родное селение, где со спокойной душой занималась мирным делом, вспоминая пережитое ещё во вторую мировую войну лишь в ночных кошмарах и внезапных панических атаках.

Но и их в один момент не стало. Не стало ровно так же, как и её младшего сына всего несколько лет назад. Старший до сих пор воевал, наверняка ему требовалась её помощь... Она больше не могла оставаться в стороне, её дыхание каждый раз останавливалось, когда она наблюдала целые караваны, которые были наполнены свитками с запечатанными в них трупами сгинувших. А потом она увидела потрёпанного оборванца, которого знала уже не первый день. Что-то в ней тогда надломилось, его жалкий и измождённый вид вскрыл старые зарубцевавшиеся раны на её сердце. Она была готова остаться здесь ещё ненадолго, чтобы поставить его на ноги, дать ему возможность окрепнуть и зажить счастливо. А теперь она наблюдала, как он со всей своей детской наивностью пытался ворваться в этот мир убийц, негодяев, слёз и трагедий. Угнетающее зрелище.

Как же ей всё это надоело.

— ... — Долгое время женщина молчала.

— Знаете... — Углубляясь в дебри сознания, бросил невзначай Годжо, отведя глаза к потолку.
— Умирать так холодно и одиноко...

Симидзу вздрогнула, её зрачки сузились, веки слегка приоткрылись в лёгком недоумении и испуге.

— Когда действительно умираешь, бороться просто не получается, а в тоске тонешь. — Он иронично хмыкнул, и на его губы выползла кривая улыбка. — Я встал лишь чудом. Можно сказать, что я другой человек, а тот, кого вы знали, уже мёртв.

После этих слов он перестал улыбаться и тут же встал со стула, направившись в комнату, в которой Канна его обосновала. Сама же женщина, ошеломлённая его словами, наблюдала за тем, как его юная спина удаляется, не в силах вымолвить и слово. Её руки пробрал холодок, а в её голове заставляющим дрожать колоколом звенела только одна мысль:

«Близость смерти... Так сильно повлияла на него?»

***

Ритмичное дыхание, вдох носом и выдох ртом. Пот лился с лица Сатору ручьём, намокшие ресницы и пряди волосы упускали их, позволяя им падать мальчику в глаза, на кончик носа, скатываться к подбородку и только затем устремляться к деревянному полу. Его уши все взмокли, на голову будто вылили небольшое ведро воды — он стоял в планке. Это был уже пятый подход, каждый чуть больше двух минут. Верх он снял, чтобы просто так не пачкать футболку.

Тощий, как скелет, но проклёвывание хоть каких-то «жил» он начал замечать уже после первых трёх дней физических тренировок. Из этого он сделал вывод, что чакра способна усилить человека и повлиять на его тело не только при активном её применении. В частности, он был уверен, что у задохлика с такой комплекцией, как у него сейчас, просто бы не нашлось выносливости на подобное количество упражнений. По крайней мере он мог относительно быстро привести свою форму в порядок, это его радовало.

Замечательные шесть кубиков пресса и атлетическое телосложение, само собой, были не единственными результатами, к которым он стремился. Его интересовала силовая выносливость, которая напрямую связана с янь-составляющей чакры. Он намеревался вырастить её объёмы именно таким путём, хотя и медитациями не пренебрегал, пусть ему и не приходилось сомневаться в собственном уме, объёмах знаний, духе, силе воли, разуме... Он не особо представлял, что именно из всего этого связано с инь-составляющей, вполне возможно, что и вовсе всё вместе.

Выйдя из планки, он дал себе небольшой отдых в две минуты, развалившись на полу. Подобранный им самостоятельно время, за которое это тело сможет «выдохнуть» после нагрузок, но и не успеет слишком расслабиться. Затем он приступил к классике — отжиманиям. Три подхода по пятнадцать раз, для восьмилетки, да ещё и такого, это было чем-то невероятным...

Попеременные подъёмы ног, полуподъёмы корпуса и приседания — после них его ждала финишная прямая, за которой находился совсем небольшой промежуток, отделяющий Годжо от победной ленты, — пробежка. Всё это в комплексе доводило юное тело практически до приемлемого предела, за который Сатору переступать бы не решился. Всё же чакра чакрой, а исцелять без обратной проклятой техники он себя не умеет.

Встав на ноги и хорошенько размяв утомлённые мышцы во всём теле, бывший шаман начал прыгать на месте и массировать свою шею одновременно. Закончив, он широко улыбнулся и начал обтирать своё тело выше пояса мокрым полотенцем. Натянув футболку назад, он наконец-то отправился на пробежку. Он бы, конечно, мог пойти и с голым верхом, благо что из-за его биологического возраста на него бы косились не особо часто, но жил-то он не один... Такая его эксцентричность могла бы в теории отразиться на Канне, а это было бы уже некрасиво.

Мальчик стремительно выбрался на улицу, сразу же в нос ему ударили весенние ароматы: цветущая сакура, мокрая утренняя трава, кто-то уже занимался жаркой мяса — очевидно, открывающиеся ресторанчики. В стране огня было распространено животноводство, особенно много голов скота доставалось, можно сказать, её неофициальному, но самому очевидному центру, Деревне, Скрытой в Листве.

Сатору не бежал слишком быстро, но и совсем уж на черепаший бег не переходил, выбрав золотую середину, которая бы не давала ему расслабиться и при этом была выполнимой. Он хорошо знал, что среди прочих упражнений бег — один из самых лучших способов развить хорошую выносливость тела. Постепенно нагрузку придётся увеличивать, чтобы она способствовала полезному мышечному росту. В прошлой жизни с этим было полегче, потому что без прямого использования проклятой энергии он превосходил обыкновенного человека по физическим параметрам не так уж и сильно... Всего лишь в пять или шесть раз, может чуть больше. Тот же Юджи Итадори в своей голой природной мощи его обгонял ощутимо, Годжо не постеснялся бы это признать.

В свою очередь уже наблюдая пассивный эффект после непродолжительного освоения чакры, он понял, что здесь так не выйдет. Рано или поздно ему придётся переходить на совсем уж экстремальные нечеловеческие тренировки.

<http://tl.rulate.ru/book/100919/3528701>